научный электронный журнал
Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования
https://stnb.petrsu.ru **http://petrsu.ru**

УДК 81.161.1+81:39

«ХОРОША ДЕВКА, КАК РЕПКА»: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕАЛИИ РЕПА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДЬЯЧКОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
gyla4@yandex.ru

ДОЛЯ ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА
студентка 2 курса Института филологии,
Петрозаводский государственный университет,
институт филологии,
Петрозаводск, Российская Федерация,
tatyana.dolls3@gmail.com

Ключевые слова:
репа
этнолингвистический портрет
языковая картина мира
русский язык

Аннотация:
Статья посвящена изучению комплекса представлений, характеризующих образ репы в русском языковом сознании. Фактологической базой исследования стали данные толковых, диалектных, исторических словарей, а также некоторых этнолингвистических источников. Целью исследования стала систематизация и анализ языкового материала, характеризующего портрет данной реалии в русском языке. Приведенные в работе наблюдения позволяют сделать вывод, что в образе репы язык и традиционные культурные контексты отражают как бытовое, сугубо практическое представление об этом растении, так и глубокую архаику, связанную с восприятием репы (ее сопоставление с мышью, «женскость» в представлении о репе, отождествление репы и головы, эталонность репы как растения и др.). В целом образ, отраженный в русской лексике и идиоматике, позволяет вскрыть целый ряд представлений о репе как растении и пищевом продукте в национальной русской картине мира.

© 2023 Петрозаводский государственный университет

Получена: 27 мая 2023 года Опубликована: 27 июня 2023 года

Введение

Под этнолингвистическим портретированием в лингвистике понимается «методика анализа лингвокультурного материала, позволяющая достаточно полно представить комплекс черт (мотивов, признаков), которые приписываются исследуемой реалии или группе реалий в традиционной культуре» [21: 171]. С этой целью традиционно изучаются прежде всего языковые факты – семантические и словообразовательные дериваты слова, а также устойчивые выражения, в которых выступает оно само или его производные. Важную роль в характеристике той или иной реалии в традиционном языковом сознании также играют фольклорные тексты, обряды, верования.

В настоящем исследовании мы обратились к изучению комплекса представлений о таком хорошо известном корнеплоде, как репа, в русской этноязыковой картине мира. Анализу образа этого растения и пищевого продукта посвящено несколько специальных работ, к ним относятся, например, статьи Т. Н. Бунчук «Репа в традиционной картине мира (опыт конструкции концепта)» [3], «Хоронить по-репному: к этнолингвистической интерпретации севернорусской фразеологической единицы» [4]. Большой информативностью для анализа портрета репы обладают также данные, представленные в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (авторы статьи Е. Л. Березович, В. В. Усачёва) [23].

Несмотря на то, что в указанных источниках уже определены наиболее значимые лингвокультурные черты этой номинации, опирающиеся на языковые факты, актуальность сохраняет само структурирование очень обширной этнолингвистической информации, связанной с репой, соединение отдельных наблюдений в общую картину и дополнение их еще не изученным материалом, который в некоторых случаях впервые вводится в научный оборот.

Результаты и обсуждение

Опираясь на опыт этнолингвистического портретирования, представленный в диссертации и статьях Н. А. Синицы [21], [22], мы выделили в образе репы несколько наиболее проявленных мотивировочных признаков, связанных с содержанием представлений об этой реалии, которые обнаруживают себя в языке. Условно их можно объединить в следующие тематические группы:

1. **Группа представлений, отражающих внешний вид растения.** Здесь, по нашим наблюдениям, выражены два основных признака.

Так, **округлость корнеплода**, а также **восприятие репы как некоего эталонного овоща** , на что указывают Е. Л. Березович и В. В. Усова [23: 424], дает основание для называния *репой, репкой* других культурных растений, например брюквы: *У нас репу называют – репка, а брюкву – репа*. Калин. (СРНГ, Т. 35: 65); турнепса (коровья репа): *Ну, а что в огороде? Морковка, горошек, бобы, репка-турнепка. Каргас.,* Том., 1975. (СРНГ, Т. 35: 70) и даже плодов картофеля в рязанских говорах: *Подергивая пустой куст картофеля, говорят иногда – Нет ни репки!* Ряз., 1898. (СРНГ, Т. 35: 70).

Репкой может именоваться в говорах и сорт маленьких плосковатых яблок – ‘яблоко желто-зеленого цвета, мягкое, пригодное для мочки’. Бурнашев (СРНГ, Т. 35: 72). Известна также такая номинация, как *репчатые яблоки* (*репчатка*): ‘скороспелый сорт яблок, формой похожих на репу’ Пек., Осташк. Твер. , 1855 || ‘скороспелый сорт яблок’ Липецк. Ворон., 1929–1937 Яросл. (СРНГ, Т. 35: 70).

К примерам, отражающим тот же мотив наименования, необходимо отнести и известный в литературном употреблении *репчатый лук*, а в говорах – *репчастый* или просто *репка*, т. е. ‘лук репчатый, луковицы, противопол. зеленый’, ‘многолетний яровой лук’ – *Репчастый с сеянки бываешь. Нонче бравый вырос*. Бурят., Бичур (СРГС, Т.4: 162), а также его сорт*: Репка – это низкий круглый лук.* Зырян Том, 1964. Ср. Приобье. (СРНГ, Т. 35: 70).

Также округлая форма корнеплода становится причиной того, что словом *репа* нередко обозначается в русском языке человеческая голова. На первый взгляд, кажется, что это значение обязано своим появлением жаргону. Именно там находим большое количество устойчивых выражений типа: *дать по репе, получить по репе, морщить репу, чесать репу* и т. д., в словаре они даются с пометами *мол*., *шутл*., *разг*., иногда *угол*. [15]. Однако данные некоторых говоров опровергают это предположение. См., например, выражение *голова как репа* в «Большом словаре русских народных сравнений» со значением ‘о чьей-л. дочиста отмытой круглой голове’ [14: 570], а также употребление этой номинации в сибирских говорах: *Репу замкнуть. Шутл.* Потерять рассудок. *Две белой с другом распил, репу замкнуло. Как домой дошёл, не помню.* Прибайкал. (СРГС, Т.4: 161).

Также устойчивая связь головы и репы ярко проявляется в связи с некоторыми верованиями, характерными для народно-христианской культуры. Так, до дня Усекновения главы Иоанна Крестителя, который в Вологодской губернии назывался «репный праздник», не разрешалось есть репу, так как она по форме, как и многие другие овощи, напоминает голову [23: 425]. «Разрешение… на репу – с Иванова дня» [5: 60]; «(29 авг.) считается грехом есть в этот день круглые предметы: картофель, капусту, лук, яблоки и пр., так как форма этих предметов напоминает голову» [13: 406]; «29 августа (Иван Постный) – в Вологодской губ. этот день считался репным праздником» [1: 30].

Наконец округлость, мясистость корнеплода отражается и в сопоставлении репы с девушкой, женщиной: *репушка,* ласкат. кличка круглой девки [6: 1770], *репушка* ж. – прозвище девушки с округлой фигурой [6: 1770]; (*остаться) как репа в грядке. Сарат. Шутл.* О женщине, постоянно сидящей дома, не выходя на улицу. (Г. С. Акимова, 1981). Брян. *Ирон.* [14: 570]; О девушке, женщине с очень

широким, толстым лицом. (1957). (СРНГ Т.35: 65); *сидеть как репа в грядке. Сарат. Шутл.* О женщине, длительно сидящей в неподвижности. (Г. С. Акимова, 1981) [14: 570]; *Репа репой.* О девушке, женщине с очень широким, толстым лицом. *Да иде там ена пригожая! Репа репой!* Зап. Брян., 1957. (СРНГ, Т.35: 69). См. по этому поводу и фольклорные контексты: *Кругла, да не девка: с хвостом, да не мышь* (загадка о репе) [6: 1770], *Кругла девка, как репка* [6: 1770].

Признак округлости также проявляет себя в наименовании некоторых предметов, по своей форме похожих на репу, что отражается и в синхронии, и в диахронии. См. в Словаре русского языка XI-XVII вв.: *рѣпка* ‘резное украшение, по форме напоминающее репу’. *Куплено живописцу... на двѣсти на пятьдесятъ рѣпокъ деревянныхъ резныхъ подъ золото полфунта пулменту къ колымагѣ деревянной золотой государыни царицы.* Столб. ик., 427. 1668 г. [28: 146]; а также диалектные номинации: *репина* ‘часть прялки – колесико с желобом, подающее нить’. Лит. ССР, 1960 Латв. ССР. (СРНГ, Т. 35: 69); *репка* ‘выпуклый сосуд для керосина в лампе’ *У рязанских – у стеклянной лампы, где толсто, – стакан, у тамбовских – репка. Алтай, Ребрихин.* (СРГС, Т. 4, 161).

Любопытно, что название репка использовалось когда-то, как свидетельствует С. В. Максимов, и для обозначения замысловатого инструмента для пыток, представляющего собой особого рода клещи. Свое название они получили за счет сходства с репой верхней части инструмента: *Клещами этими сжимали ногти до такой боли, что человек приходил в состояние говорить на себя и на других что угодно* [12]. Существует предположение, что именно с этим инструментом для пыток связано устойчивое выражение: *Хоть матушку – репку пой* [6: 1770].

Еще один устойчивый признак образа репы в русском языковом сознании – это ее **«хвостатость»**, что чаще всего проявляется в уподоблении репы мыши. См., например, в русских загадках: *Сама клубочком, а хвост под себя; Кругло, а не месяц; зелено, а не дубрава; с хвостиком, а не мышь; Кругла, да не девка: с хвостом, да не мышь* [6: 1770]. Напомним, что в народной сказке «Репка» именно мышь помогает вытащить заветный овощ, что опять же указывает на соединение этих реалий в традиционной русской культуре (подробнее об этом см. [6: 1770]). Тот же мотив встречаем и в севернорусских заговорах, где именно мыши – а не какому-то другому животному – обещают отдать репяной (то есть молочный) зуб. Репной зуб – молочный зуб, обыкновенно выпадающий у детей. И. М. Дуров в словаре поморского языка указывает, что когда выпадает первый такой зуб, то в Поморье приговаривают: *Кышка-мышка, на тебе репной зуб, а дай мне костяной да серебряной, и затем этот зуб бросают за печку* [8: 358].

С хвостатостью репы, мы полагаем, можно связать и номинацию *репица*, называющую заднюю часть туловища лошади, круп (Сольвыч., Волог., 1897. Мн. Усть Канск, Горно-Алт., 1964.) (СРНГ, Т. 35: 69), так как эта лексема обозначает место соединения тела с хвостом: *У лошади репица вполхвоста, да полхвоста махалки* [6: 1770], а также слово *репица* в значении ‘толстая часть кнута, место соединения рукоятки с плетью’ Кашин., Твер., 1897. Твер. (СРНГ, Т. 35: 69), тоже опирающееся на представлении о соединении пусть и не настоящего «хвоста» с основанием.

Интересно, что в русском языковом материале, за редким исключением, практически не отражается цвет репы. Выражения типа «белый как репа», так говорят о какой-либо ослепительно белой и крепкой округлой поверхности (Народн. СРГП 1, 33) в языке единичны [14: 570]. Прямо или косвенно цвет данного корнеплода отражается только в некоторых загадках*: Над бабушкиным окошком висит репы лепешка (луна); У нас за окошком – полно репы лукошко (звезда)* [9: 287]; *Желто, да не масло, хвостовато, да не мышь (репа)* [9: 287]. Однако даже в сопоставлениях с месяцем может происходить уподобление репы не по цвету, а по форме: *Кругло, а не месяц; зелено, а не дубрава; с хвостиком, а не мышь* [20: 410].

Также редко встречается в качестве мотивировочного признак **гладкости кожуры**. См. такие примеры, как *мыта репа* – так говорят о красивом ребёнке в южноприкамских говорах [26: 36], *«Мыта репа – девка ростёт, в кого и изгадала»*. Ножовка Част. [26: 36]. В калужских говорахесть такое выражение*«Как из репки вырезанный»:* о человеке с чистым белым лицом. Мещов., Калуж., 1892. (СРНГ, Т. 35: 70).

Также, по свидетельству исторических словарей, репицей называли в XVII породу деревьев – платан: *Рогъ костяной, оклеенъ рѣпицею, по концамъ оковано желѣзомъ.* Кн. описн. Кир.-Б. м. I, 43. 1668 г. *Посохъ оклеенъ рѣпицею.* Д. патр. Никона, 393. 1676 г. [28: 146]. С осторожностью можно предположить, что подобное наименование могло возникнуть в связи с гладкостью коры данной породы дерева, по внешнему виду, действительно, напоминающей кожуру репы.

2. **Вторая ипостась репы в языковом сознании русского человека – это представление о ней как пищевом продукте.**

Здесь в первую очередь обращает на себя внимание огромное количество дериватов, создающих ощущение, что из репы наши предки делали абсолютно все: не только похлебки, каши, пироги, квас, начинку для пирожков, но ее запекали, вялили, квасили, мочили и солили на зиму, причем использовали не только сам корнеплод, но и его ботву. См. многочисленные примеры: ***репище*** – пирог с репою [6: 1770]; ***репники***, мн. – вяленая, пареная в печи репа. Вологодск. [6: 1770]; ***репня, репник*** – репная каша; также репная похлебка [6: 1770]; ***репница***, арх. – репная похлебка: *вареную либо пареную репу разминают, мешают с солодом, иногда с толокном, наливают водой и ставят под крышкой в вольный дух* [6: 1770]; ***репища*** – квас из репы. Олон, Бурнашев. (СРНГ, Т. 35: 69); ***репник*** – похлебка из вареной толченой брюквы с молоком. *Я такой репник варила из брюквочки*. Чудов., Новг., 1969. *Как брюква сварится, рассучишь ее мутовкой, нальешь молока, еще поваришь, тогда тает во рту.* Новосиб. (СРНГ, Т.35: 70-71); ***репник*** – пирог с репой. Вельск., Арх., 1845. Арх., Сев-Двин. *Репники, репу вымоем, положим в печь, выпарим и загибши из репы*. Коми, АССР, Олон., Медвежьегор., КАССР, Мурман., Север., Волог., Новг. *Луковики пекли, репники.* Свердл. *Шаньги стряпали, репники стряпали.* Кемер. (СРНГ, Т. 35: 71), ***репник***, мн. – вяленая, пареная репа Переясл., Влад., 1848. Волог. Доп. «Из названий кушаний». Шенк., Арх., Плечев., 1898. (СРНГ, Т. 35: 71), ***репница*** – суп, похлебка из рубленой репы с крупой или мукой. Олон., 1846. Сев-Двин. *Репы накрошат кусками, мукой житнеи прискут, вот и репница*. Арх., Вят. Похлебка из пареной репы и солода (ржи) на воде, которую томили в русской печи. Шенк., Арх., 1846. Похлебка из пареной репы и солода (ржи) на квасе. Пинеж., Шенк., Арх., 1885. Похлебка из репы и кусочков теста. *Накладут репы да теста из квашни.* Виноград., Арх., 1950 Похлебка из вареной рубленой брюквы, сдобренная сметаной. Онеж., КАССР, 1933. (СРНГ, Т.35: 71); ***репница*** – каша из тертой репы с добавлением крупы, яиц, масла и молока. Вельск, Волог., 1895. Волог., Арх., Вят. *Репу сваришь, истолкешь, масла, яиц положишь, молока нальешь, вот и репница*. Киров., Свердл. Может репница-то лучше поглянется. Кемер. (СРНГ, Т.35: 71); *репница* – квас из репы. Север., Барсов., Олон., Прионеж., КАССР. Мн. Олон., 1852. (СРНГ, Т.35: 71).

При этом в образной характеристике «репной» пищи особенно выделяются такие признаки. Прежде всего репа в основном воспринимается как **простая, доступная еда**. Это наиболее ярко проявляется в пословицах и поговорках: *Репой да брюквой не хвалятся* [6: 1770]; *Дешевле пареной репы, задаром отдают* [6: 1770]; *Голодному Федоту и репка в охоту* (СРНГ, Т.35: 65); *Кто сам, как пареная репа, тот другим поддается слепо* (О мягком, уступчивом, простом человеке) [14: 570]. *Ешь хоть репу вместо ржи, а чужого не держи (*И. Богданович, ч. I, 45; В. Васнецов, 74; И. Трапицын, 27) [10: 466]; *Боится масленая горькой редьки да пареной репы*! [20: 294]; *Ясно как репа* (Прост.) – так говорят о чём-либо абсолютно ясном, предельно понятном. (А. Вайнер, Г. Вайнер) [14: 570]. Кроме того, о *репнице* (каше из репы) раньше в шутку говорили: «*Губнича, морковнича, репнича, картовнича – основная еда*». [26: 37]. Сходное значение передают и поговорки: *Напившись, мужик и за репу дерется* [20: 277], *проще пареной репы* [6: 1770].

Вместе с тем репа выступает в народном сознании и как **пустая еда**, которая не вызывает сытости, служит просто наполнителем для желудка: *Капуста да репа брюху не крепа* [6: 1770]; *Репа брюху не крепа.* Помор., Арх, (СРНГ, Т.35: 65). В это смысле репа часто противопоставляется хлебу: *Ешь хоть репу вместо ржи, а чужого не держи; Репьем осеешься, не жито и взойдет* [19: 156]. С другой стороны, репа может и уподобляться этому продукту: см. загадки *в землю крошки – из земли лепешки* [20: 410]; *Зелено, да не озимь.* [9: 123].

В русском языковом сознании возможно сопоставление репы не только с хлебом, но и с мясом. Данное обстоятельство, например, проявляется в принятых у овощеводов определениях сортов репы как *беломясый сорт*, *желтомясый сорт*. В некоторых говорах Сибири известно благопожелание как *репа – мясо*, которое произносится при убое скота: *Репа – мясо. Пожелание, чтобы мясо было мягкое, как репа, вкусное. Мяснику, когда он разнимает тушу, говорят – Репа – мясо, а он – Режь да ешь!* Сиб, 1873 (СРНГ, Т.35: 65). См. сходный пример в вологодских говорах с несколько иной интерпретацией уподобления: *Репа сало! Пожелание людям, режущим, забивающим скот. А говорят это потому, что вот съела чем больше свинья репы, тем больше сала наростила, и говорят потому: репа сало.* Вож. Мих. *Я к ним зашла, а оне свинью режут, ну я грю: «Репа сало!».* Вож. Мих. (СВГ, вып. 9: 52).

В некоторых обрядово-фольклорных номинациях и контекстах акцентируется и такой признак репы, как **сладость.** Это можно проследить в свадебной традиции Русского Севера, где был обычай на второй день после венчания есть блюдо из репы – ***«первая ночка»***: «*Делали галанку, сладкое-то было раньше. Сладкое – первая ночка говорят*» [ФА СыктГУ Подосиновское собр.: 2316-56, 7; 2317-38; 2324-5, 7, 26, 29; 2325-39 и т. д.]. Здесь, по всей видимости, отражен мотив сладкой жизни, которой желали молодым после свадьбы. См. и другие контексты, в которых актуализируется указанный

признак: фольк. *Бабушка добра, добра, да у ей репонька* ***сладка***, ***сладка***, ***сладка***. Печор., 1963. (СРНГ, Т.35: 72); *Хвост, как у мыши, да не мышь,* ***сладкая, как мед, да не мед,*** *голова плешивая, как у священника…* [24: 425].

Упоминание «сладкой репки» известно и в народных играх. Так, в вологодской деревне Пиньшино во время игры, имитирующей «вытягивание репки» (обхватив друг друга за пояс, дети вставали цепочкой за самым сильным игроком, который держался за столб, и начинали тянуть, стараясь оторвать его от столба), при «вытягивании» кричали: *Бабка за дедку, дедка за репку, репка тянуть крепка, а есть* ***сладка****!* [16: 191–192].

3. Еще одна обширная группа мотивов связана в русском языке с процессом выращивания репы, в котором особенно выражены ассоциации, характеризующие посев, место произрастания, а также сбор урожая и его хранение.

Так, **мотив посева репы** отражается в таких поговорках, как: *На спине репу сеять.* посл. Ирон. [14: 570]; *как репы насеяно.* Народн. О множестве народа где-л. ДП, 551 [14: 570]; *Репа на голове вырастет у кого.* Волг. Пренебр. О неопрятном, неряшливом человеке. Глухов 1988, 19 [15: 562]; *Вырастет репа на голове.* Ирон. Шутл. – о волосах, грязных до такой степени, что могут взойти семена овощей, если их бросить на голову. – *Скоро репа на голове вырастет, будем исть. Ой и грязи в голове, не домоешься, надо центнер воды*. Новосиб., Венгеров. (СРГС, Т. 4: 161).

В русских говорах также известно выражение *репу сеять* в значении ‘рвать, извергать принятую пищу’ Вят. (СРНГ, Т.35: 65), которое, по всей видимости, связано с таким способом посева репы, как «плевание», когда семена репы набирались в рот, а затем высеивались путем выплевывания (т. к. семена репы очень маленькие и довольно трудно посеять их другим путем).

Характеристика **места произрастания** репы отражается в ряду номинаций, обозначающих различные земельные участки. Так, поле для выращивания репы чаще всего называли – *репище,* что, например, в севернорусских говорах, говорах вторичного образования и многих среднерусских говорах отражается повсеместно (Слов. Акад., 1822. Волог., 1852. Костром., Влад., Тул., Смол., Твер., Калин., Новг., КАССР, Арх., Беломор): *У нас репа така плоска, желтенька, у нас больше репище было вспахано* (Печор., Олон., Прикамье, Горьк., Удм., АССР, Вят., Киров); *Зайдем на репище, сорвем по репке.* (Перм., Сиб., Иркут., СРНГ, Т. 35: 69).

Однако *репищами* также могли называть и любой возделанный участок земли в целом, например: *место, где растет клевер.* Зап. Сиб., 1973 (СРНГ, Т. 35: 69); *низменное поле или расчищенный участок в лесу, засеваемый иногда хлебом, льном, но чаще репой.* Холмог., Арх., 1878. Арх., Олон., Заонежье. (СРНГ, Т. 35: 69); *Он поехал на репище скородить (боронить) под лен.* Твер., (СРНГ, Т. 35: 70); *Лен-от на репище, на подсеке в лесу сеют после репы, ино сорняк заглушить лен могет.* Горьк., Киров. (СРНГ, Т. 35: 70); *Я сегоды на репище хлеб посеил.* Иркут., Камч. (СРНГ, Т. 35: 70). Известно использование номинации *репище* и для обозначения вновь вспаханного поля – Яросл., Чистоп., Казан., 1896, Лаиш., Казан., 1896, а также нови, целины, низкого, болотистого луга: *ныне лето-то сухое было, так мы и в репище косили.* Калин., 1972., и даже свалки, места для мусора и нечистот. Енис., 1906. (СРНГ, Т. 35 70).

Репником также называли молодой густой лес: *в репнике и головы просунуть нельзя.* Бурят., Баргузин. (СРГС, Т.4: 162), а также участок леса, предназначенный для расчистки: *Репище надо вывалить.* Медвежьегор., КАССР, 1970. (СРНГ, Т.35: 70). Это значение, а также использование лексемы *репище* в значении ‘место, где был пожар, пожарище’: *это с какого же репища обгорелого места?* Пинеж., Арх., 1965. (СРНГ, Т.35: 70), несомненно, связаны с тем, что репу садили вне дома, преимущественно в лесу, предварительно выжигая, расчищая местность: *Репу садили, дак в лесу такое репище делали. Нарубят лесу, потом этот лес жгали, и на этот пепел сыпали, вот эту репну, репну семена. Вот это в лесу только репа была, а в деревнях редко в котором огороде есть репочка, это очень редко было. Кажный хозяин так* [17: 297]; *Они осенью пойдут, сучьев нарубят. Спилят небольшие деревья там, где камни. А весной сожгут и «заплюют» — посеют репу* [17: 114]; *Жгали ниву в лесах — репу сеяли; Выжгут там вот лес, выжгут, и репу насеют* [17: 69].

Этот способ обработки земли под посев репы, после которой на расчищенном участке можно было выращивать и другие культурные растения, создал почву для переноса названий *репник, репище* на любую возделанную и невозделанную (но безлесую) землю. Использование тех же номинаций в отношении территорий, покрытых лесом, мотивировано аналогично: представление о сведении леса, выжигании территории проявляет себя и в значении *репника* как обозначения мелколесья, и *репища* в значениях леса, который нужно вырубить, а также пожарища.

Дополним, что, поскольку на Русском Севере нередко рядом с местом подсеки, где

выращивали репу, могло появиться селение, на данной территории фиксируется много топонимов и микротопонимов, таких как *Репище, Репной посад* и под., а также сохранились связанные с репой прозвища у жителей отдельных селений. Например, крестьян деревни Пингиша (Холмогоры) называли *кислорепыми*, так как у них в наводнение прокисала репа, которую они выращивали, а мурманчан и онежан называли *репниками*, т. к. репа имела большое значение в их жизни [7: 68–69].

В диалектной речи находит отражение и процесс **сбора урожая** репы. См. в народной поговорке, зафиксированной в Словаре вологодских говоров, *как репу обрезать* ‘о кратком и резком ответе, проявляющем нежелание обсуждать то, о чем спрашивают’ *Как уцисся? А, грит, всяко. Как репу обре́зала.* К-Г. Плоск. (СВГ, вып. 9: 52). Напомним, что мотив «вытягивания», уборки репы отражен в сказке «Репка», а также в некоторых играх.

В заключение нельзя не остановиться еще на одном очень любопытном факте, получившем реализацию в русской лингвокультуре и связанном с представлением о **хранении репы**, а именно обряде, получившем название *похороны по-репному* (подробнее см. в статье Т. Н. Бунчук [4]). Обряд был зафиксирован и описан этнографами в целом ряде поселений Прилузского района Республики Коми [11]. «По-репному» хоронили людей, умерших скоропостижной, насильственной смертью, чаще всего в результате убийства: [*Почему сразу не похоронили*?] *Потому что он убит.* Погребение являлось временным. В большинстве случаев человека помещали около дома, при этом около покойного обязательно кто-то присутствовал. Позже обряд завершался настоящими похоронами, выполнеными по всем правилам: *Потом его откараулят 12 дён, и его вымают и толды на кладбище везут. Срок был, 10 ли, 12 дён, срок выдержат, а потом уж хоронят* [11: 301–302].

Предполагают, что обряд получил название по аналогии со способом хранения репы, когда выкапывали небольшую яму и неглубоко прикапывали корнеплод, а уже после первых заморозков забирали домой: *как репу схоронят в ямку, а не заваливают, не заваливают, Схоронят, как репу в яме, не закрывают просто; Ну, по-репному-то – это мелко, это по-репному и называется. Это репу раньше насиют, и репу мелконько захоронят, чтобы с осени сразу ее домой принести* [11: 303].

Т. Н. Бунчук отмечает, что номинация «по-репному» может быть интерпретирована в данном случае как «хоронить временно, не по-настоящему, того, кто умер не по-настоящему», т. е. «недожил». Преждевременная смерть не является логически завершенной, поэтому требовалось искусственное «выдерживание» человека перед смертью [4: 189].

ВЫВОДЫ

Приведенные в работе наблюдения позволяют сделать вывод, что в образе репы язык и традиционные культурные контексты отражают как бытовое, сугубо практическое представление об этом растении и процессе его выращивания, так и глубокую архаику, связанную с восприятием репы (ее сопоставление с мышью, «женскость» в представлении о репе, отождествление репы и головы, эталонность репы как растения и др.). В целом образ анализируемой реалии, отраженный в русской лексике и идиоматике, позволяет вскрыть целый ряд представлений о репе как растении и пищевом продукте в национальной русской картине мира. Изучение данного вопроса может быть продолжено в сравнительно-сопоставительном, диахроническом и ареальном аспектах, в специальном анализе нуждается и содержание различных фольклорных контекстов с исследуемой номинацией.

Примечание

Сокращения, используемые в тексте статьи: СВГ – Словарь вологодских говоров [24]; СРНГ – Словарь русских народных говоров [27]; СРГС – Словарь русских говоров Сибири [25]; СРГП – Словарь русских говоров Южного Прикамья [26].

Список литературы

1. Байбурин А. К. Календарь и трудовая деятельность человека / А. К. Байбурин. – Ленинград, 1989. – 31 с.

2. Бернштам Т. А. Народная культура Поморья в XIX-начале XX в. : этнографические очерки / Т. А. Бернштам ; АН СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Ленинград: Наука : Ленинградское отделение, 1983. – 231 с.

3. Бунчук Т. Н. Репа в традиционной картине мира (опыт реконструкции концепта) //

Лингвофольклористика. – 2000. – № 3. – С. 44–56.

4. Бунчук Т. Н. Хоронить по-репному: к этнолингвистической интерпретации севернорусской фразеологической единицы // Антропологический форум. – 2010. – № 13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/horonit-po-repnomu-k-etnolingvisticheskoy-interpretatsii-severnorusskoy-frazeologicheskoy-edinitsy (дата обращения: 22.03.2023).

5. Быт великорусских крестьян-землепашцев : Описание материалов Этногр. бюро князя В. Н. Тенишева : (На прим. Владимир. губернии) / Авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. – СПб. : Изд-во Европ. Дома, 1993. – 470 с.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. Т. 3. П – Р / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуна-Де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и значит. доп.. – Санкт-Петербург; Москва: Т-во М. О. Вольфъ, 1907. – 1762 с.

7. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Автореферат ... дисс. докт. филол. наук – Архангельск : Поморский гос. ун-т, 2004. – 42 с.

8. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.

9. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – Москва: Современный писатель, 1995. – 400 с.

10. Иллюстров И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок / Сост., предисл. и алфавит. указ. И. Н. Кузнецов / Отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Русская цивилизация, 2019. – 912 с.

11. Крашенинникова Ю. А. Похороны «по-репному» (О некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) / Ю. А. Крашенинникова // Антропологический форум. – 2009. – № 10. – С. 299–310.

12. Максимов С. В. Крылатые слова. Не спроста и не спуста слово молвится и до веку не сломится / по толкованию С. Максимова. – Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1890. – 113 с.

13. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – Санкт-Петербург, 1994. – 530 с.

14. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко Т. Г. Никитина. - Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.

15. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. - Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

16. Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997. – 432 с.

17. Памятная книжка Кижской волости / Министерство культуры Российской Федерации, ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижи“», Фонд поддержки и развития культуры «Преображение» ; сост., общ. ред. : С. В. Воробьева, В. А. Кирьянов. –Петрозаводск : Издательский дом ПИН, 2022. – 297 с.

18. Полный словарь сибирского говора. Т. 4. С - Я / Главный ред. О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Том. ун-та. 1995. – 275 с.

19. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля. В 2-х т. Т.1 / Вступ. слово М. Шолохова. – Москва: Худож.лит., 1989. – 431 с.

20. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля. В 2-х т. Т.2 / Вступ. слово М. Шолохова. – Москва: Худож.лит., 1989. – 447 с.

21. Синица Н. А. К вопросу о параметрах этнолингвистического портрета (на материале портретов служителей культа в славянских языках) / Н. А. Синица // Научный диалог. – 2016. – № 12 (60). – С. 170–184.

22. Синица Н. А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Екатеринбург, 2017. – 311 с.

23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.4 / Под ред. Н. И. Толстого. - Москва: Международные отношения, 2009 (Репа). – 424–427 с.

24. Словарь вологодских говоров: учебное пособие по рус. диалектологии / Вологодский гос. пед. ин-т ; Ред. Т. Г. Паникаровская. – Вологда, 1983 (вып. дан 1984) –

25. Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Фёдорова; сост. Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. — Новосибирск : Наука. сиб. предприятие РАН, Т. 4 : П (притаежный)–С. – 161 с.

26. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Выпуск III (РА – ЯТЬ) / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А. В. Чёрных; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2012.

27. Словарь русских народных говоров : Вып. 35: Реветь - Рящик / [Сост. Н.И. Андреева-Васина] ; Рос. акад. наук. Ин-т лингв. исслед. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – 360 с.

28. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 22 (Раскидатися – Рященко) / Ин-т рус. яз им. В. В. Виноградова. – Москва: Наука, 1997.

REFERENCES

1. Baiburin A. K. Calendar and human labor activity / A. K. Baiburin. – Leningrad, 1989. – 31 p.

2. Bernstam T. A. Folk culture of Pomerania in the XIX-early XX century: ethnographic essays / T. A. Bernstam ; USSR Academy of Sciences, Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maklay. – Leningrad: Nauka : Leningrad Branch, 1983. - 231 p.

3. Bunchuk T. N. Turnip in the traditional picture of the world (experience of concept reconstruction) // Linguofolcloristics. – 2000. – № 3. – P. 44–56.

4. Bunchuk T. N. Burying in turnip: towards an ethnolinguistic interpretation of the Northern Russian phraseological unit // Anthropological Forum. – 2010. – № 13. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/horonit-po-repnomu-k-etnolingvisticheskoy-interpretatsii-severnorusskoy-frazeologicheskoy-edinitsy (accessed: 03/22/2023).

5. The life of the Great Russian peasant farmers: Description of the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev: (On approx. Vladimir. provinces) / Author-comp. B. M. Firsov, I. G. Kiseleva. – St. Petersburg : Publishing House of Europe. At home, 1993. – 470 p.

6. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language of Vladimir Dal: in 4 vols. 3. P – R / V. I. Dal; edited by I. A. Bodun-De-Courtenay. – 3rd ed., ispr. and means. add.. – St. Petersburg; Moscow: M. O. Wolf Publishing House, 1907. – 1762 p.

7. Drannikova N. V. Local-group nicknames in the traditional culture of the Russian North: Functionality, genre system, ethnopoetics. Abstract ... diss. doct. Philol. sciences – Arkhangelsk : Pomor State University, 2004. – 42 p.

8. Durov I. M. Dictionary of the living Pomeranian language in its everyday and ethnographic application / I. M. Durov. – Petrozavodsk: Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2011. - 455 p.

9. Riddles of the Russian people: A collection of riddles, questions, parables and tasks. – Moscow: Modern Writer, 1995. – 400 p.

10. Illustrov I. The life of the Russian people in its proverbs and sayings. Collection of Russian proverbs and sayings / Comp., preface. and the alphabet. Decree by I. N. Kuznetsov / Ed. by O. A. Platonov. – Moscow: Russian Civilization, 2019. – 912 p.

11. Krasheninnikova Yu. A. Funeral "turnip-style" (About some facts of funeral and memorial rites of northern Russians) / Yu. A. Krasheninnikova // Anthropological Forum. – 2009. – No. 10. – pp. 299-310.

12. Maksimov S. V. Winged words. It is not for nothing and not for nothing that the word is said and will not break until the century / according to S. Maksimov's interpretation. – St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1890. – 113 p.

13. Maximov S. V. Unclean, unknown and the power of the Cross / S. V. Maximov. – St. Petersburg, 1994. – 530 p.

14. Mokienko V. M. Nikitina T. G. The Great Dictionary of Russian folk comparisons / V. M. Mokienko T. G. Nikitina. - Moscow: CJSC "OLMA Media Group", 2008. – 800 p.

15. Mokienko V. M. Nikitina T. G. A large dictionary of Russian sayings. - Moscow: CJSC "OLMA Media Group", 2007. – 784 p.

16. Morozov I.A., Sleptsova I.S., Ostrovsky E.B., Smolnikov S.N., Minyukhina E.A. Spiritual culture of the Northern Belozerye. Ethnodialect dictionary. M., 1997. – 432 p.

17. Memorial book of Kizhi parish / Ministry of Culture of the Russian Federation, Federal State Historical, Architectural and Ethnographic Museum-Reserve "Kizhi", Fund for Support and Development of Culture "Transfiguration" ; comp., general ed. : S. V. Vorobyova, V. A. Kiryanov. –Petrozavodsk : Publishing House PIN, 2022. – 297 p.

18. The complete dictionary of the Siberian dialect. Vol. 4. S - Ya / Chief Editor O. I. Blinova. – Tomsk : Publishing House Vol. un-ta. 1995. – 275 p.

19. Proverbs of the Russian people: A collection by V. Dahl. In 2 vols. Vol.1 / Intro. the word of M.

Sholokhov. – Moscow: Art.lit., 1989. – 431 p.

20. Proverbs of the Russian people: Collection of V. Dahl. In 2 vols. Vol. 2 / Intro. the word of M. Sholokhov. – Moscow: Art.lit., 1989. – 447 p.

21. Sinitsa N. A. On the question of the parameters of an ethnolinguistic portrait (based on the material of portraits of ministers of worship in Slavic languages) / N. A. Sinitsa // Scientific Dialogue. – 2016. – № 12 (60). – P. 170-184.

22. Sinitsa N. A. Portraiture as a method of ethnolinguistic research (based on the material images of the clergy in Slavic languages): dis. ... Candidate of Philology : 10.02.19. – Yekaterinburg, 2017. – 311 p.

23. Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary in 5 volumes. Vol. 4 / Edited by N. I. Tolstoy. - Moscow: International Relations, 2009 (Repa). – P. 424-427.

24. Dictionary of Vologda dialects: textbook on Russian dialectology / Vologda State Pedagogical Institute; Ed. T. G. Panikarovskaya. – Vologda, 1983 (issue 1984) –

25. Dictionary of Russian dialects of Siberia / Edited by A. I. Fedorov; comp. N. T. Bukharev, A. I. Fedorov. — Novosibirsk : Nauka. sib. enterprise RAS, Vol. 4 : P (pritaezhny)– S. – 161 p.

26. Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region. Issue III (RA – YAT) / I. A. Podyukov (scientific ed.), E. N. Svalova, S.V. Khorobrykh, A.V. Chernykh; Perm. state Humanities.-ped. un-T. – Perm, 2012.

27. Dictionary of Russian folk dialects : Issue 35: Roar - Ryashchik / [Comp. N.I. Andreeva-Vasina] ; Russian Academy of Sciences. In-t lingv. research. – St. Petersburg: Nauka, 2001. – 360 p.

28. Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries. Issue 22 (Raskidatisya – Ryashchenko) / In-t rus. yaz named after V. V. Vinogradov. – Moscow: Nauka, 1997.

«WHAT A FINE GIRL! PRETTY AS A TURNIP»: ETHNOLINGUISTIC PORTRAIT OF THE TURNIP AS A CULTURE-SPECIFIC ITEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE

DYACHKOVA IRINA

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Russian Language,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation, gyla4@yandex.ru

DOLYA TATYANA

student of the Institute of Philology,
Petrozavodsk State University, Institute of Philology,
Petrozavodsk, Russian Federation,
tatyana.dolls3@gmail.com

Keywords:
turnip
ethnolinguistic portrait
linguistic picture of the world
Russian language

Summary:
The article studies a set of ideas characterizing the turnip image in the Russian linguistic consciousness. The factual basis for the study was the data derived from explanatory, dialect, and historical dictionaries, as well as from some ethnolinguistic sources. The authors aim to systematize and analyze linguistic material that forms the ethnolinguistic portrait of the studied culture-specific concept in the Russian language. The observations given in the work lead to the conclusion that in the turnip image the language and traditional cultural contexts reflect both the purely practical everyday view of this vegetable and the deeply archaic perception of it (its comparison with a mouse, the “femininity” inherent in the turnip image, comparing a turnip with a human head, referring to a turnip as the gold standard for vegetables, etc.). In general, the image of this culture-specific item reflected in Russian vocabulary and idiomatics allows us to reveal a number of ideas about the turnip as a plant and food product in the Russian national picture of the world.